

Александр Парфёнов

Шершавое богатство

1
СР-2019
17.3

3

7

9

4

8

10

Александр Парфёнов Шершавое богатство

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40355795

Парфёнов А. Шершавое богатство: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2018

ISBN 978-5-00098-168-9

Аннотация

Эссе «О поэзии, о себе, заглавных буквах и черных квадратах», опубликованное в книге вместо предисловия – костёр, а стихи... – искры, улетающие в ночное небо.

Содержание

Вместо предисловия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Парфёнов

Шершавое богатство

© Парфёнов А., текст, 2018

© «Геликон Плюс», оформление, 2018

*** * ***

Вместо предисловия

*Не следуй за большинством на зло и не решай
тяжбы, отступая по большинству от правды.
Книга Исход, глава 23, стих 2*

Сообщение в Интернете о том, что под краской картины Казимира Малевича «Чёрный квадрат» обнаружили надпись «битва негров в тёмной пещере» заставило меня – будь это сообщение и неправдой – вспомнить о давно записанных своих мыслях.

Эссе. О поэзии, о себе, заглавных буквах и чёрных квадратах

Строчки всех стихов, предлагаемых мне когда-то школьной программой, начинаются с заглавных букв. Глаза к этому привыкли, а разум не задавал вопроса «почему?». Только когда меня выпустили в свободное плавание по просторам поэзии, я познакомился с очень хорошими стихами современных авторов, строчки которых начинаются с буковок строчных. Глаза некоторое время терпели непривычный их вид, но в конце концов сам собой возник вопрос – почему?

Действительно, почему поэтическая строка пишется с заглавной буквы? Почему раньше это было незыблемо? Поче-

му находятся реформаторы, для которых это правило стало архаичным, неудобным и просто лишним? Может быть, они правы?

Сначала я думал, что традиция начинать строчки с заглавной буквы зародилась во времена написания Библии. Может быть, пронумерованные абзацы в современных изданиях Библии писались когда-то на широких пергаментях, на которых помещалась длинная мысль-строка? Спросил об этом знакомого священника, но тот меня разочаровал. Еврейский текст Ветхого Завета был написан без деления на стихи, но впоследствии появились значки, обозначающие конец фразы или стиха. Новый Завет первоначально писался в одну строчку и без знаков препинания, но каждая строка не обязательно начиналась с большой буквы. (Вот радость была переводчикам и интерпретаторам!) А в V веке был собран Ватиканский кодекс, в котором и было некое первичное деление текстов на главы и стихи.

Я не отчаялся, продолжил искать ответ на свой вопрос и вот что узнал. В древности возникла система деления – вероятнее всего, по смыслу – больших текстов на небольшие отрывки, которые назывались *stichoi*. Со временем эти текстовые единицы превратились в письменные строки, которые использовались как стандартное измерение для литературных произведений. Можно отметить, что слово «стих» не только на английском (*verse*), но и на многих европейских языках подозрительно похоже на латинское *versus* (дословно

«*линия*»), что означает строку или ряд. Оттуда, вероятно, и знакомые всем «*вирши*», которые нынче почему-то превратились в синоним плохих стихов.

Итак, стих – это строка, а стихи – строки. Традиция выделять строки заглавными буквами зародилась в древности. И доныне поэтические строчки, даже не цельные, пишут с большой буквы. Вот, к примеру, отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»:

Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нём
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
.....

Издательство «Просвещение», 1982 год.

При жизни автора поэма не издавалась, но в одном из первых изданий я действительно видел заглавные буквы в начале строк.

Однако должен сознаться, что мне нравятся множество стихов, где их авторы экономят на заглавных буквах. Что же мне теперь, не читать их? И может, зря я привязался к этим

буквам? Но так делал Пушкин, а Пушкин, друзья мои, это Пушкин!

Куда-то запропастилась одна из моих любимых книжек – сборник стихов Андрея Вознесенского «Дубовый лист виолончельный». Я приобрёл её летом 1978 года в посёлке Митрофан-Дикост, что уютно пристроился на левом, высоком берегу реки Печоры. «Дикост» на языке коми – то ли ниже острова, то ли неподалёку от острова.

Так вот, захотелось мне перечитать поэму «Лёд 69». Там одна заплачка (заплачка!) чего стоит: «Заря Марья, заря Дарья, заря Катерина, свеча талая, свеча краткая, свеча стеариновая...» А заодно и поэму «Дама Треф» и ещё несколько стихотворений. Кусочками помню наизусть, что-то забыл. Пропала книжечка, не нашёл, а с монитора считывать не люблю. То ли дело книга в руках! Но сейчас это не беда – пошёл в магазин и купил. Вот я и купил. Не подумайте только, что я сорок лет не читал стихов этого замечательного поэта. Читал, но только сейчас заметил, что ничего не изменилось за сорок лет! Мне и теперь нравятся те же вещи этого поэта, что и в молодости. Мне и сейчас, несмотря на отсутствие заглавных букв в начале строчек, нравится «Правила поведения за столом»:

Уважьте пальцы пирогом,
в солонку курицей макая,

но умоляю об одном —
не трожьте музыку руками.

.....

Мне и сейчас не нравится стиль таких его стихотворений, как, например, «Улёт»:

на деревьях висит тай
очки сели на кебаб
лучше вовсе бросить шко
боже отпусти на не

.....

Кстати, признанный и настоящий поэт Андрей Вознесенский заимствовал манеру писать последние слова строчек в этом стихотворении без окончаний у великого Сервантеса, бессмертный роман которого «Дон Кихот» предваряется несколькими сонетами, в одном из которых автор и «подрезал» последние слова строчек. Правда, строчки там начинаются всё же с заглавных букв, в отличие от стихотворения Вознесенского, который писал свои стихи, руководствуясь правилами написания заглавной буквы в русском языке: нет точки – нет и заглавной буквы в начале следующего слова. А в последнем примере он почему-то даже первую строчку стихотворения начал с маленькой буквы.

Мне не нравятся некоторые его стихотворения, хоть и написаны они в классическом стиле, моим любимым, велико-

лепным, простым и понятным русским языком. Одно из них в виде песни я услышал давным-давно, не зная ещё, кто их автор. Песню эту великолепно исполнила Алла Борисовна Пугачёва. Я имею в виду стихотворение «Миллион роз», сюжет которого мне как-то сразу не понравился. Что же там случилось?

Вполне благополучный художник – дом и холсты имел – полюбил актрису и, вместо того чтобы на волне этого прекрасного чувства восторженно творить – писать изумительные портреты любимой женщины, навеянные её образом пейзажи и вообще что-то создавать, – продаёт дом с холстами и на эти деньги покупает для своей возлюбленной миллион алых роз. Актриса, насладившись площадью из цветов, благополучно уехала.

Вы можете возмущаться моей упёртой глупостью, можете над ней смеяться. Но что делать, если я, понимая, что это аллегория, что это изящный литературный приём, фигура речи, так сказать, вижу в героях этого стихотворения вполне реальных людей? Лермонтов чёрта, то есть демона пожалел! Почему же мне не жалеть бездомного и безработного художника? Мне даже хочется, чтобы приютил беднягу какой-нибудь меценат и дал ему «дом и холсты». Только бы этот успешный человек не оказался жуликом и не превратил нашего художника в раба. А артистка... Она не виновата в том, что не люб ей нищий художник, однако симпатий моих, мягко говоря, не вызывает. Но... внимание! В стихотворе-

нии присутствует ещё одно действующее лицо, вернее, лица – продавцы цветов. Вот они, наравне с артисткой, довольны и даже по-своему счастливы. Как говаривал Остап Бендер: «Грустно, девицы!»

А теперь другая грусть – чистая и светлая, которой ода-рило меня стихотворение «Небесный человек». «...Родился мальчик в самолёте... Место рожденья – небеса», а дальше поэт гениально кратко описывает жизнь этого человека, его воспоминания, мечты, а в финале:

.....
Он выбежит на крышу к небу,
забыв мечты, семью, уют,
и наберёт в ладони снегу,
как письма из дому берут.

Вы когда-нибудь жили вдали от дома? Вы когда-нибудь получали письма из своего родного, далёкого далека? С каким чувством вы брали эти конверты в руки? Вот за такие прекрасные строчки можно не обращать внимания и на маленькие буквы в начале строчек, и на стихотворение из одной строки «Мы уплывали вместе, обняв мой крест», и на «Улёт», и вообще на любой «чёрный квадрат». Но есть, однако, кое-что, что объединило для меня нищего художника и родившегося в небе человека: я о них думал и думаю. Автор заставил меня думать. Заставил меня размышлять о них, переживать об их судьбах.

Итак: лауреат, и народный, и признанный, но из сотен прочитанных мною его стихов мне нравятся не все. А ещё мне не нравится памятник Петру I работы Шемякина, который выставлен в Петропавловской крепости. Мне не нравятся некоторые работы Эрнста Неизвестного, хотя, без всякого сомнения, он великий мастер. Ну не нравится мне смотреть на застывшую в камне уродливую или изорванную плоть! Никак не могу начать восхищаться чёрным квадратом Малевича. Пишу шёпотом, чтобы не приняли за варвара. Не понимаю и не нравится! Если кто-то видит в этом чёрном квадрате судьбу мира или философский вопрос, то в чёрном параллелограмме судьба мира и философский вопрос всё те же, но с наклоном.

Что же из этого следует? Я ничего не понимаю в искусстве. Пусть так! Зато я с некоторых пор не поддаюсь гипнозу великих имён. Долго, очень долго мнение моё о литературных произведениях – как, впрочем, и обо всём остальном – формировалось только извне, а не изнутри. Потому и Анна Каренина для меня была не неверной женой, а активным борцом против лицемерия буржуазного общества. Не помню, когда всё изменилось. Может, оттого, что голова постарела, а Душа повзрослела, многие вещи повернулись ко мне невидимой прежде стороной. Измятое ведро, поставленное на пьедестал и подписанное великим скульптором, останется для меня только измятым ведром, и какофония, написанная великим композитором, будет какофонией, как бы

ни восхищались ею вокруг. Вот представьте себе на секунду, что школьник нарисовал на белом фоне аккуратный чёрный квадрат и принёс эту картинку на суд знатоков живописи. Что бы знатоки сказали мальчику? Уверен, что знаете. И слова эти были бы правильными. Ведь мальчик этот не прославил ещё своего имени. Но имя уже знаменитое многим застит глаза, остальные же просто следуют за большинством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.